СЕМЕЙНОЕ ПАТРОНИРОВАНИЕ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОМОЩЬ В БОРЬБЕ С ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ В ТУРКЕСТАНЕ: ПОМГОЛ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ТРАДИЦИЯ ВАКФА

Муродова Малика Хужамкул кизи
докторант, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, г. Ташкент

Аннотация. *В условиях ограниченности государственных ресурсов борьба с детской беспризорностью в Туркестанской АССР и Узбекской ССР опиралась не только на детские дома, но и на государственно-общественные комиссии, международную гуманитарную помощь, добровольные общества и семейное патронирование. В статье рассматривается роль Помгола (Туркомиссии), Американской администрации помощи (АРА), Российского Красного Креста и общества «Друзья детей», а также семейного патроната как наиболее массовой формы помощи. Показано, что в 1921 г. через Детскую комиссию в семьи было передано 8923 ребёнка — значительно больше, чем было размещено в учреждениях. Высказывается предположение, что патронат продолжил дореволюционные традиции вакфа и взаимной помощи в новой советской оболочке.*

Ключевые слова: *семейное патронирование; Помгол; АРА; Красный Крест; «Друзья детей»; вакф; беспризорность; Туркестан.*

Введение

Ресурсы государства в 1918–1924 гг. были несоизмеримы с масштабом детской беспризорности. Именно поэтому важную роль сыграли государственно-общественные комиссии, международные гуманитарные организации и локальные общественные инициативы. Цель статьи — показать их место в общей системе защиты детей и оценить их реальную результативность.

1. Помгол (Туркомиссия) как смешанная государственно-общественная структура

20 ноября 1918 г. при ТуркЦИК была создана Центральная комиссия по оказанию помощи голодающим в Туркестанском крае (Помгол, или Туркомиссия); она призвана была помогать населению, в том числе детям, доставленным из Поволжья и Приуралья, общее число которых официально оценивалось в 320 тысяч человек [1]. Помгол не был чисто государственным ведомством: в его состав входили не только чиновники, но и общественные деятели, врачи и граждане, заинтересованные в благотворительности. В его задачи входили раздача продовольствия, сбор и распределение одежды, выявление беспризорных детей и их направление в учреждения, а также сбор сведений о голоде, чтобы направлять помощь в наиболее нуждающиеся районы. В 1922–1923 гг. население Ферганской долины через эту структуру собрало для детей голодающих

районов 5360 рублей, 20 608 аршин мануфактуры, 4225 комплектов одежды и 1631 пару обуви [2]. Это показывает, что местное население было активно вовлечено в деятельность комиссии.

Иерархия Помгола повторяла всесоюзный принцип: центральный орган отчитывался перед правительством республики, а местные отделы работали при областных и уездных исполкомах. Одной из его функций был сбор и систематизация данных о голоде — принцип распределения ресурсов по оценке нужд, сохранившийся и в современной гуманитарной практике.

2. Семейное патронирование как наиболее массовая форма помощи

В октябре 1921 г. в составе Помгола была образована Детская комиссия с штатом всего из трёх человек. По состоянию на 5 ноября 1921 г. через неё было размещено: в Ташкенте — 445 детей, в Аулие-Ате — 350, в Самарканде — 500, в Оше — 100, в Байрам-Али — 100, в Джизаке — 87; всего же в семьи на воспитание было передано 8923 ребёнка [3]. Эта цифра значительно превышает число детей в формально созданных детских домах и показывает, что на первом этапе, пока институциональная система не сложилась, государство вынуждено было опираться на неинституциональные, семейные формы воспитания. Государство обеспечивало правовую и организационную основу, семьи же брали на себя повседневную заботу. Необходимо подчеркнуть, что в патронат чаще передавались дети младшего возраста; подростки, особенно уже совершавшие правонарушения, размещались в семьях значительно труднее и почти неизбежно оставались в трудовых коммунах и реформатории (это наблюдение требует статистической проверки). В некоторые периоды применялся платный патронат: семье выплачивалась ежемесячная сумма с учётом её материального положения, и это, по расчётам, оказывалось значительно дешевле содержания ребёнка в учреждении. В популяризации патроната и удочерения участвовали также печать и литература. Также в казахстанских исследованиях отмечается, что местным партийным работникам рекомендовалось держать в своём доме как можно больше беспризорных детей — практическая мера, компенсировавшая нехватку официальных учреждений [4].

В исследовании приводятся и примеры более позднего времени, выходящие за хронологические рамки Туркестанской АССР, но наглядно иллюстрирующие непрерывность традиции: в годы войны узбекские семьи массово принимали эвакуированных детей, нередко другой национальности и веры. Согласно сведениям, приводимым в диссертации, каттакурганец Хамид Саматов, вернувшийся с фронта раненым в 1944 г., принял 13 беспризорных детей, а Фотима Косимова из села Хазар Самаркандской области приняла в свою семью ещё 10 детей помимо своих шестерых. Такие примеры выходят за рамки рассматриваемого в статье периода, однако они характеризуют долговечной общественный фундамент патроната в регионе.

3. Международные гуманитарные организации: АРА и РОКК

Американская администрация помощи (ARA) принимала участие в преодолении поволжского голода 1921–1923 гг.: в послереволюционном Петрограде она открыла 120 столовых и по специальным карточкам кормила 42 тысячи детей до 14 лет, прошедших медицинский осмотр; к концу 1921 г. её помощью пользовались 565 тысяч детей в Самарской, Казанской, Саратовской и других губерниях [5]. Российское (советское) Общество Красного Креста (РОКК) с 1921 г. работало в Поволжье, Туркменистане и Киргизии, с 1922 г. ежедневно оказывало продовольственную и медицинскую помощь 30 тысячам детей, а с 1923 г. начало борьбу с эпидемиями тифа, малярии, холеры и оспы [6]. В отличие от АРА, РОКК был тесно связан с советской государственной системой, что облегчало его взаимодействие с местными структурами, в том числе туркестанским Помголом.

Как отмечает А. Болл, советская власть принимала деятельность АРА настороженно, иногда с подозрением, так как иностранное (американское) происхождение организации считалось идеологически чуждым; трагический масштаб голода заставил государство эту помощь принять [7]. Эффективность АРА, по Боллу, объяснялась централизованным снабжением (прямые поставки продовольствия из США) и независимой системой управления, оживлённее бюрократии [7]. Деятельность этих организаций была сосредоточена главным образом в Поволжье, и в Туркестане её охват был значительно уже: помешали удалённость региона, слабость транспортной инфраструктуры и отсутствие гарантий безопасности в условиях басмачества. Поэтому главная тяжесть борьбы с голодом и детской беспризорностью в регионе легла на местные и всесоюзные государственные структуры и на традиции взаимопомощи самого населения.

4. Общественные инициативы и печать

В 1932 г. в Ташкенте добровольное общество «Друзья детей» построило отдельное общежитие для работающих подростков, не имевших своего жилья [8]. Аналогичные общества действовали и в соседних регионах: в Оренбургской губернии оно насчитывало до 4500 членов, и на его средства планировалось открывать дома для беспризорных; комиссия ВЦИК проводила кампании по распространению благотворительных марок и изданий, однако в Казахстане из-за нехватки культурно-просветительных центров помощь могла оказываться лишь при полном сборе средств [9]. Кроме того, в состав детских комиссий, наряду с чиновниками, входили местная интеллигенция, учителя и активные граждане; граница между государственными структурами и общественностью на практике часто была условной.

Роль печати была немалой. По материалам Ш. Мамадалиева, уже в 1917 г. газета «Улуг Туркистон» подняла проблему продовольствия, а в 1918 г. туркестанские издания — «Улуг Туркистон», «Иштирокиюн», «Озод Сибир», «Фаргона» — регулярно описывали положение детей — жертв голода, часто в целях призыва к благотворительности [10]. Причём общественная ответственность за судьбу детей, по

всей видимости, сформировалась раньше, чем в официальных государственных структурах. Публикации в «Известиях» о трагическом положении детских приютов служили также общественным контролем над государственными структурами.

5. Традиции вакфа и махалли

До революции в крае основной формой заботы об сиротах и нуждающихся детях были благотворительные учреждения на средства вакфного имущества — худжры, медресе и мечети. Советская власть формально ликвидировала вакфную систему, однако лежавший в её основе социально-нравственный принцип — обязанность общины заботиться о нуждающихся — неформально сохранился и возродился в новой форме — в практике семейного патроната. Пользуясь терминами историографии, можно сказать, что советская система помощи была не историческим разрывом, а продолжением традиционной социальной этики под новой институциональной оболочкой — это рабочая гипотеза автора, нуждающаяся в дальнейшей проверке. В пользу неё говорит и вывод А. Халида: традиционные структуры (вакф, махалля), хотя и ослабленные в первые послереволюционные годы, долго продолжали работать неформально, и через эти неформальные сети помощь получали многие нуждающиеся семьи и дети [11]. М. Буттино также отмечает, что в условиях демографического кризиса жизненное значение имели неофициальные механизмы взаимопомощи (махалля, родственные сети), не отражённые в официальной статистике [12].

6. Оценка эффективности

Результаты благотворительности требуют осторожной оценки. По мнению О. Б. Масловой, многие благотворительные кампании (продажа марок, общественные сборы) выполняли скорее пропагандистскую функцию, демонстрируя «всенародную заботу», а их реальный финансовый эффект часто был значительно скромнее ожидаемого [13]. Поэтому целесообразно различать два критерия: прямой финансово-материальный результат (сколько собрано и сколько детей реально получили помощь) и влияние на общественное сознание, т.е. укрепление социальной ответственности. По первому критерию результаты часто были ограниченными; по второму, напротив, массовость семейного патроната свидетельствует о долговременном социально-культурном эффекте, не измеримом материальными показателями.

Отношения государства и общественных инициатив были двойственными: государство поощряло инициативу и включало её в официальные структуры (Помгол, «Друзья детей»), но настороженно воспринимало независимую благотворительность (как пример АРА). Кроме того, общественная помощь была распределена неравномерно: центрами инициативы были крупные города и плотно населённые долины (Фергана, Ташкент), тогда как в отдалённых и горных районах они встречались реже — вероятно, в связи с плотностью населения, экономическими возможностями и близостью к центральным информационным каналам. Такая неравномерность параллельна региональной неравномерности самой государственной помощи.

Заключение

Борьба с детской беспризорностью в Туркестане была не только официальной государственной политикой, но и сложным результатом взаимодействия государства, международных гуманитарных организаций и местной общественности. Помгол служил институциональной основой, АРА и РОКК — дополнительным источником материально-медицинской помощи, «Друзья детей» — формой организованной общественной инициативы, а семейный патронат — наиболее массовой и, вероятно, наиболее результативной формой помощи, продолжавшей дореволюционные традиции вакфа и взаимопомощи. Исторический опыт координации государства, международных организаций и местного сообщества, приоритет семейных форм заботы и оценка результатов не только по материальным показателям остаются актуальными и для современной системы социальной защиты.

Литература

1. Расулов А. Н. Туркистон ва Россия халқлари ўртасидаги муносабатлар. Ташкент: Турон-Иқбол, 2016. С. 25.
2. Национальный архив Узбекистана (ЎзМА), Ф. Р-17, оп. 1, д. 398, л. 3.
3. ЎзМА, Ф. Р-25, оп. 1, д. 682, л. 600.
4. Сактаганова З. Г., Карсакова Г. Б. Влияние голода на рост числа беспризорных детей в Акмолинской губернии в 1920-е гг. // Вестник КазНУ. Серия историческая. 2017. № 3 (86). С. 8.
5. Лукашина В. Дети Гражданской войны. Беспризники 1920-х годов. 02.09.2019. URL: https://vatnikstan.ru/history/besprizorniki_1920s/ (дата обращения: 12.08.2026).
6. Там же.
7. Ball A. And Now My Soul Is Hardened: Abandoned Children in Soviet Russia, 1918–1930. Berkeley: University of California Press, 1994. P. 40–55.
8. ЎзМА, Ф. Р-86, оп. 1, д. 8034, л. 120.
9. Сактаганова З. Г., Карсакова Г. Б., указ. соч. С. 8.
10. Mamadaliev Sh. Coverage of Famine and Starving Children in the Press (1917–1924) // International Journal on Integrated Education. 2023. Vol. 6, No. 12. P. 277–291.
11. Khalid A. Turkestan v 1917–1922 godakh: borba za vlast na okraine Rossii [Электронный ресурс]. URL: https://shosh.uz/turkestan-v-1917-1922-godah-borba-za-vlast-na-okraine-rossii-adib-halid/ (дата обращения: 06.07.2026).
12. Buttino M. Study of the Economic Crisis and Depopulation in Turkestan, 1917–1920 // Central Asian Survey. 1990. Vol. 9, No. 4. P. 59–74.
13. Маслова О. Б. Ликвидация массовой детской беспризорности в Советской России в 1920-е годы: автореф. дис. … канд. ист. наук. Пятигорск, 2010. С. 20–21.